№ 1.

СТАЧКА ЛЖИ.

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗСКА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БЕЗРАБОТИЦА".

4 КОП.

Типо-Литографія С. Муллеръ В. О., 9 лин., д. 18.

Стачка лжи.

Волшебная сказка.

I.

Давно уже живетъ ложь на свѣтѣ; много зла причинила она людямъ и міру. Послѣднее время ей трудно стало исполнять свою работу; она ежедневно стала слышать, какъ многіе люди ругали ее. И захотѣлось лжи, страшно захотѣлось, на старости лѣтъ сдѣлать какое-нибудь доброе, хорошее дѣло. Но сама ложь никогда не знала хорошихъ дѣлъ, поэтому она рѣшила пойти къ попу, спросить совѣта. Она ему сказала, что ей хочется сдѣлать что нибудь необычайно хорошее.

— Самое лучшее, сказалъ попъ, ступай къ портному и закажи себѣ новое и очень хорошее

платье. Твоя одежда износилась и поэтому тебѣ уже никто не довѣряетъ. Ты знаешь, люди почти всегда судятъ по платью. Если ты сдѣлаешь себѣ новое платье, всѣ передъ тобою будутъ преклоняться, какъ въ старину, особенно же народъ, который не узнаетъ тебя въ новомъ платьѣ.

— Но, возвразила ложь, мнѣ думается, что это не будетъ хорошимъ дѣломъ...

— Ого! возразилъ попъ. По твоему миръ и тишина въ государствѣ плохое дѣло? А миръ наступаетъ всегда, когда ложь наряжается въ новое платье. А если народъ перестаетъ вѣрить лжи, — много величія разлетается въ прахъ. Стара-же ты стала, если не понимаешь такихъ простыхъ вещей!

— Хорошо, я закажу новое платье, тихо сказала ложь и вышла. Но тутъ она вспомнила, что забыла спросить у попа адресъ портного, который могъ бы ей сшить новое платье. И она вернулась обратно.

— Я старъ, сказалъ попъ, да и религія мало кого теперь прельщаетъ, а то бы я самъ сшилъ тебѣ часть одежды. Но ты можешь обратиться къ другимъ портнымъ, напримѣръ, къ благородному министру финансовъ Витте *), или оберъ-прокурору святѣйшаго синода Побѣдоносцеву. Ты знаешь, конечно, этихъ господъ, и я увѣренъ, что имъ доставитъ удовольствіе оказать тебѣ услугу.

---

*) Бывшій предсѣдатель комитета министровъ.

Поблагодаривъ вѣжливо попа, ложь вышла отъ него и направилась прямо въ жилище Витте.

Онъ принялъ ложь очень любезно, какъ свою старую знакомую, и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Да, да, быстро сказалъ министръ, вамъ необходимо сшить новый костюмъ, времена измѣнились, все перевернулось и миру грозитъ опасность. Вотъ въ сосѣдней комнатѣ я посадилъ ученыхъ, которымъ приказалъ доказать, что правительство одинаково защищаетъ интересы капиталистовъ и рабочихъ и что интересы русской промышленности и финансовъ требуютъ низкой заработной платы и длиннаго рабочаго дня. Я велѣлъ имъ доказать, что подстрекатели рабочихъ только вредятъ ихъ счастью, и что самое вѣрное средство добиться лучшей участи состоитъ въ томъ, чтобы рабочіе положились на отеческо-заботящееся о нихъ правительство.

— И вы думаете, что рабочіе вамъ повѣрятъ?

— Да, конечно, они добрый народъ, добрые простаки и готовы повѣрить всякому ласковому слову, а про то, какъ мы ихъ въ тюрьмы сажаемъ изъ городовъ высылаемъ, мало кто знаетъ о нихъ; такія дѣйствія и приказы остаются въ тайнѣ, а во всеуслышаніе мы всегда говоримъ о нашихъ заботахъ и любви къ народу. Такъ отчего же имъ намъ не вѣрить?

Морщинистое лицо лжи было печально; она съ любопытствомъ разсматривала бойкаго и умнаго министра, но предложеніе его не прельстило ее. Она поблагодарила его и вышла.

Медленными шагами направилась она къ наперстнику умершаго . . . . Побѣдоносцеву.

— Здравствуй, насмѣшливо сказалъ онъ. Ты отъ молокососа, отъ выскочки? Чѣмъ угостилъ онъ тебя? Новшествами! зарычалъ онъ, стуча посохомъ. Попортили русскій благочестивый народъ, лишили его родной розги, настроили школъ, написали книжекъ. У-у!... выскочки и новаторы! Не сносить вамъ головушекъ, если не послушаетесь опытнаго старика и не насадите старыхъ порядковъ. Лживая тварь! Одинаково заботишься о рабочихъ и хозяевахъ, а изподтишка строишь тюрьмы, разводишь жандармовъ. Мы жили честно, пороли открыто, и люди жили мирно, чтили своихъ господъ и Бога, помогавшаго намъ насаждать повиновеніе. Уйди, ложь, ты мнѣ не нужна. Я и безъ тебя сумѣю доказать, что все зло на свѣтѣ отъ просвѣщенія, я сумѣю настоять, чтобъ школы всѣ были закрыты, чтобъ не смѣлъ никто читать свѣтскихъ книгъ и узнавать изъ нихъ, что дѣлается на свѣтѣ, чтобъ читали всѣ псалтырь и Четьи-Минеи, чтобъ по всей Руси закрыты были книжные склады и типографіи, чтобъ книжки были всѣ

сожжены, а просвѣтители казнены. И наступитъ снова миръ, проговоритъ старикъ съ блаженной улыбкой, засвистятъ во всѣхъ концахъ святой Руси березовые прутики, а мужички и работники покорно снимутъ штаники и съ чистою молитвою воспримутъ наказаніе. Жикъ! жикъ! наслаждался старикъ. А „Русь Новая“ застонетъ громкимъ голосомъ, закроетъ свое личико свободное и дерзкое, и живо разлетится все, что крѣпнетъ и растетъ. Нѣтъ, ложь, ступай. Лишь правда-матушка, да тьма безпросвѣтная избавятъ насъ отъ бѣды. И злобный взоръ сверкнулъ, и посохомъ застучалъ...

И ложь ушла. Устало опустилась она на траву. Вѣтеръ колыхалъ ея сѣдые волосы. Глубокая дума засѣла ей въ голову. Наконецъ, она рѣшительно поднялась и направилась въ рабочій кварталъ. Это было въ субботу, и работы только что окончились. Она вошла въ подвальный этажъ, въ сырую и мрачную комнату, въ которой сидѣлъ за скуднымъ ужиномъ рабочій съ женой и пятью дѣтьми. Рабочій поднялся, увидѣвъ входящую ложь.

— Простите, что я васъ безпокою, сказала ложь. Мое имя...

— О, мы, рабочіе, хорошо знаемъ имена своихъ благодѣтелей. Чему обязанъ я честью вашего посѣщенія?

— Простите еще разъ... Я хотѣла бы попросить у васъ совѣта.

— Совѣта? удивился рабочій. Вы знаете, что я не свѣдущъ въ вашихъ дѣлахъ. Вы должны обратиться къ ученымъ господамъ.

— Совершенно вѣрно, я такъ и поступила и только что была у нихъ.

— И?!?

— Я стала стара...

— И хотите помолодѣть? съ насмѣшкою спросилъ рабочій.

— Нѣтъ, новыя платья, въ которыя хотятъ меня одѣть, не сдѣлаютъ меня моложе.

— Отчего-же, дураковъ еще много на свѣтѣ, не выдержалъ рабочій. Но при чемъ я тутъ?!

— Вы меня не поняли. Я не хочу быть тѣмъ, чѣмъ я была до сихъ поръ. Я хочу сдѣлать какое-нибудь очень, очень хорошее дѣло. Притомъ истинно доброе дѣло. Нѣкоторымъ образомъ покаяться въ грѣхахъ...

— Да, это любятъ дѣлать, осталась еще привычка отъ поповскаго воспитанія. Но я то тутъ при чемъ?

— Вы должны указать мнѣ, что дѣлать.

Рабочій осмотрѣлъ ложь съ ногъ до головы. Лицо его выражало напряженіе.

— Ба! вскрикнулъ онъ весело. Сдѣлайте стачку.

— Но я совсѣмъ не знаю...

— Ахъ! Вы не знаете, что это такое? Это значитъ — отказъ отъ работы. Мы, рабочіе часто это дѣлаемъ, чтобы добиться лучшей жизни. Откажитесь работать на господъ!

— Но тогда...

— Все разрушится, вы думаете?

— Да...

— Утѣшьтесь, разрушатся старые порядки — найдется много каменьщиковъ, которые въ одинъ мигъ возведутъ новые.

— Тогда я послѣдую вашему совѣту, благодарю васъ, будьте здоровы.

Съ этими словами ложь вышла изъ мрачной комнатки и на этотъ разъ сердце ея сильно забилось, а на лицѣ выразилась радость: она чувствовала, что ей предстоитъ дѣлать что-то дѣйствительно великое.

II.

На другой день поднялась невообразимая суматоха. Черное стало бѣлымъ, правое лѣвымъ, кривое прямымъ. Всѣ потеряли головы, не понимали, что они говорятъ и видятъ. Приказчики въ лавкахъ заранѣе предупреждали покупателей, что продаютъ имъ гнилье и бракъ. Офицеръ побѣжалъ къ своей невѣстѣ и сказалъ ей, что хотѣлъ жениться не на ней, а на ея деньгахъ. Въ окружномъ судѣ товарищъ прокурора долженъ былъ сказать обвинительную рѣчь противъ воришки, но вдругъ, не зная, что съ нимъ дѣлается, началъ защищать его, началъ ругать общество, которое неравенствомъ и нищетою доводитъ своихъ членовъ до воровства. Кончивъ рѣчь, онъ въ ужасѣ бросился бѣжать изъ суда, зная, что теперь его прогонятъ съ мѣста: начальство посадило его чтобъ обвинять, а онъ защищалъ!

А что дѣлалось въ школахъ! Учителя исторіи правдиво разсказали, какъ произошло государство, какъ одинъ классъ сталъ править другимъ, какъ появились богатые и бѣдные, разсказали, что нужно дѣлать, чтобъ добиться справедливости и закона,

Священникъ пересталъ говорить о сотвореніи міра въ шесть дней, а разсказывалъ, какъ произошелъ человѣкъ и животное царство по законамъ природы. Въ университетахъ профессора говорили студентамъ, что они граждане, что они молоды и должны со всѣмъ пыломъ юности бороться съ подлостью и безправіемъ. Студенты кричали: „Да здравствуетъ право, долой безправіе и беззаконность“ и цѣлыми толпами ходили по улицамъ, всѣмъ возвѣщая свою готовность на всякую борьбу. Ихъ молодыя лица дышали воодушевленіемъ, свѣжіе голоса пѣли пѣсни свободѣ, и бѣдный людъ, встрѣчаясь съ ними, чувствовалъ въ нихъ своихъ защитниковъ. Полицейскіе стояли на своихъ постахъ, но не смѣли ихъ тронуть, не смѣли шевелиться, подавленные рѣшительнымъ и спокойно-твердымъ видомъ толпы.

Вотъ раздались продолжительные, заунывные гудки на фабрикахъ. Прогудѣли два, три... Что тамъ случилось? Рабочіе стояли на всѣхъ дворахъ, улицахъ и не шли работать: требовали хозяевъ. Испуганные хозяева повыскакали къ рабочимъ. На всѣхъ фабрикахъ произошли одинаковыя событія. На механическомъ заводѣ хозяинъ, дрожа и задыхаясь, спрашивалъ рабочихъ, что имъ нужно. „Намъ нужна человѣческая жизнь! Мы знаемъ, что еще не настало время, когда можно будетъ

рабочимъ прогнать своихъ хозяевъ, когда наша работа будетъ принадлежать намъ сполна, безъ остатка. Мы знаемъ, такое время наступитъ. Но чтобы оно скорѣе наступило, рабочимъ нужно жить по человѣчески и многому учиться. Мы требуемъ 8-ми часового рабочаго дня и высокой платы. Мы требуемъ, чтобы фабрики были перестроены, и чтобы онѣ не пожирали здоровье рабочихъ". Капиталистъ уже совсѣмъ было задохнулся отъ ужаса, какъ вдругъ во дворъ въѣхали его друзья— конные жандармы. Сердце его запрыгало, взоръ заблестѣлъ, ноги стали крѣпко: почуяли опору.

„Ахъ вы канальи, ахъ вы лѣнтяи, ахъ вы скоты черномазые! Тюремъ вамъ мало, Сибирь не страшна?! Міръ вы позорите, царя безпокоите, — маршъ на мѣста!"

— „Это мы знаемъ, давно уже слышимъ! Знаемъ и силищу вашу,—не глупы. Ну, да вѣдь время-то шло! Время-то шло, а мы не дремали, ладили кассы, людей привлекали. Видишь ты — тысячи насъ — какъ одинъ! Хватишь товарища — сто за него, хватишь ты всѣхъ насъ— и то ничего! Страшенъ разбродъ, а ты видишь — какъ спѣлися. Ну-ка, наткнись на союзъ! Выкусишь много — не тѣ времена!"

Извѣщенный о безпорядкахъ, блѣдный, взъерошенный, вбѣжалъ во дворъ фабричный инспекторъ.

Капиталистъ и ему обрадовался, какъ родному Рабочіе пересмѣивались. „Вишь-ты, и тугъ вѣдь союзы“! слышались въ толпѣ замѣчанія. Фабричный инспекторъ пріосанился и гоголемъ повернулся къ рабочимъ.

— „Ну, вы чего тутъ? Что я вамъ сдѣлать могу? Взялъ я взятку большую за то, чтобы капиталисту потакать, васъ не баловать“.

Фабрикантъ остервенѣлъ, бросился къ нему, но тотъ и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось: хотѣлъ, по привычкѣ, говорить одно, а слова вылетали другія. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы вспомнить старое, и опять заговорилъ:

— „Намъ циркуляры постоянно пишутъ, велятъ за вами выслѣживать, вредныхъ выуживать, жандармамъ доносить, стачки запрещать, интересы фабриканта защищать“.

Инспекторъ весь дрожалъ, ротъ себѣ затыкалъ, а слова рвались, да все не тѣ, которыя нужны ему были. Съ отчаяніемъ схватился онъ за голову и еще разъ хотѣлъ попробовать.

— „Вся бѣда для васъ въ томъ, что свободы нѣтъ у васъ, что все у насъ дѣлается тайно, что нельзя вамъ собираться, дѣла вмѣстѣ обсуждать, что министры у насъ—властелины, нѣтъ на нихъ ни суда и управы, и фабричный инспекторъ не можетъ ослушаться ихъ, не можетъ служить ра-

бочимъ, пока рабочіе нуль, пока не добились они права самимъ участвовать въ законодательствѣ".

— Батюшки! Караулъ! Свѣтопреставленіе! оралъ фабрикантъ, а рабочіе внимательно слушали и требовали отъ инспектора дальнѣйшихъ разъясненій.

— „Добейтесь свободы собраній, свободы печати, добейтесь парламента, т. е. такого учрежденія, куда-бы вы могли посылать своихъ представителей. Тогда не будете беззащитны, и союзы ваши окрѣпнутъ и упрочатся, и жизнь станетъ лучше, и работа легче. И не будете вы сотнями сидѣть по тюрьмамъ, не будете заселять суровую, холодную Сибирь. И не только вамъ, а всѣмъ отъ этого станетъ легче, лжи не будетъ, вся борьба пойдетъ открыто и явно".

Слезы катились по щекамъ инспектора, онъ уже ничего не боялся, онъ чувствовалъ безумную радость, теплота разливалась на душѣ отъ сознанія, что первый разъ въ жизни онъ совершаетъ великое дѣло: защищаетъ правду и законъ.

Съ фабрикантомъ сдѣлались судороги, онъ въ бѣшенствѣ валялся по землѣ, а безмолвные жандармы хлыснули кнутами и двинулись на рабочихъ. Сплотились рабочіе. Съ крикомъ: „да здравствуетъ наша свобода" бросились они, какъ одинъ, на жандармовъ, схватили лошадей подъ уздцы.

Сбросивъ махавшихъ обнаженными саблями враговъ, связали ихъ, а сами двинулись *). . . . .

. . . . . .

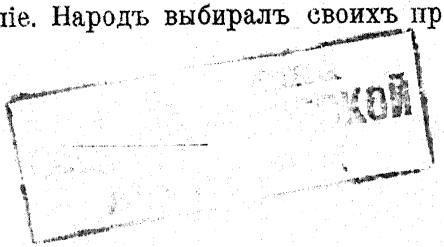
. . . . . .

. . . . . .

— „Да здравствуетъ правда! Да здравствуетъ счастье! и жизнь, и свобода, и радость кругомъ!“ Раздалось и смолкло: народъ обнимался, какъ будто-бы праздникъ какой наступилъ...

III.

На другой день всѣ газеты возвѣстили важное событіе: этой ночью скончалась ложь, а вмѣстѣ съ ней и насиліе. Народъ выбиралъ своихъ представителей.



*) По независящимъ отъ книгоиздательства обстоятельствамъ сдѣланъ небольшой пропускъ.